

Пространство революционного опыта и современный горизонт ожиданий: 1848–1849

I

Олег Алексеевич Ларионов (р. 1998) – историк литературы, аспирант Оксфордского университета. Сфера научных интересов – русская литература XVIII века, интеллектуальная история, гуманитарная и социальная теория.

Европейские революции 1848–1849 годов вряд ли занимают центральное место в современной исторической памяти. «Весна народов», случившаяся на полпути между 1789-м и 1917-м, теряется на фоне этих грандиозных революций и не может предложить сопоставимого набора запоминающихся эпизодов, лиц, слов и образов, значимых и узнаваемых за пределами той или иной национальной традиции. Причиной служит сам характер событий середины XIX века. Зимой и весной 1848 года революции охватили одну за другой европейские страны, быстро приводя к ощутимым переменам: во Франции установилась республика, итальянские и немецкие правители, как и австрийский император, пошли на уступки, обещая конституции и созыв парламентов. К лету среди недавних союзников-революционеров наметились конфликты, в итоге приведшие к размежеванию умеренных либералов (победивших, например, в Париже) и левых (временно возобладовавших в Вене). Пользуясь этим расточением и распылением революционных энергий, контрреволюционные силы нанесли ответный удар и осенью одержали победы в Берлине, Праге и Вене. В то же время, однако, по Италии, по центральной и южной Германии прошла вторая волна революций, обуздать которую удалось лишь летом 1849 года; примерно тогда же Австрия при помощи России одолела восставших венгров. Революционные события разворачивались сразу в множестве точек, иногда синхронизируясь и резонируя, но порой и резко не совпадая друг с другом: в Неаполе контрреволюция произошла уже 15 мая 1848 года – одновременно с первым столкновением радикалов и центристов в Париже и почти за месяц до начала революции в Бухаресте. Вместо единства времени, места и действия – переплетение более или менее взаимосвязанных происшествий, случавшихся с разной скоростью и в разных обстоятельствах на многочисленных театрах революционных действий. Более того, вместо зримых долгосрочных ре-

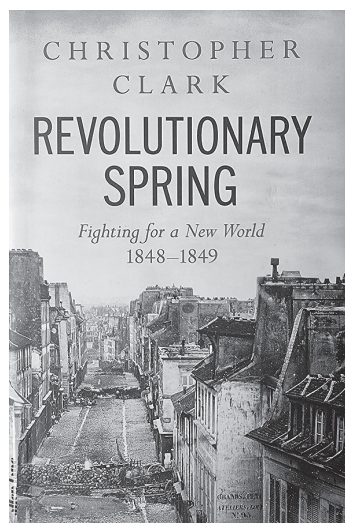
зультатов и необратимых изменений – череда поражений и откатов назад, невнятные итоги и репутация провалившейся революции.

Из всей событий 1848 года лучше всего помнятся, кажется, французские: февральское отречение «короля-груши» Луи-Филиппа; знаковое июньское восстание парижских рабочих, кроваво подавленное новой республиканской властью; внезапное возвышение Луи-Наполеона и последующее установление Второй империи. Избирательное внимание именно к этим эпизодам поддерживается многочисленными историко-культурными ассоциациями. Здесь и общий фокус на Париже – «столице XIX столетия», – и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса, и Флобер с его «Воспитанием чувств», и Герцен, для которого поражение революции стало и политической трагедией, и одной из точек отсчета для «семейной драмы». Складывающийся в результате образ 1848 года не вдохновляет: беспощадный бой буржуазии с пролетариатом, отдаленные звуки которого слышит флоберовский Фредерик Моро и в котором бессмысленно гибнет тургеневский Рудин, повсеместно обманутые ожидания, преобразование революционного энтузиазма в меланхолию, а то и в циничную аполитичность. Тем не менее это лишь фрагмент гораздо более пестрого и многосоставного комплекса явлений, с трудом поддающегося связному и последовательному изложению.

Опыт всестороннего рассказа обо всех европейских революциях 1848–1849 годов представлен в монументальной новой книге австралийского историка, профессора Кембриджского университета Кристофера Кларка¹. На протяжении многих сотен страниц, за которыми, как свидетельствуют сноски, стоят тысячи страниц чтения на дюжине европейских языков, автор детально реконструирует революционные события, перемежая хронологически движущееся повествование проблемным анализом тех или иных аспектов революции. Благодаря этому нарративному решению истории отдельных революций не низываются одна за другой, но переплетаются и дополняются концептуальной проблематизацией. В результате при неизбежной утрате цельности изложения локальных сюжетов революции 1848 года предстают «укорененными в одном и том же взаимосвязанном экономическом пространстве, разворачивавшимися внутри родственных культурных и политических порядков и вызванными процессами социально-политических и идейных перемен, которые всегда были связаны международно» (с. 279).

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

¹ CLARK C. *Revolutionary Spring: Fighting for a New World, 1848–1849*. London: Allen Lane, 2023. (Далее в тексте в скобках указываются страницы этой книги. – Примеч. ред.)

II

Кларк начинает с масштабной экспозиции, посвященной состоянию Европы в десятилетия, предшествовавшие 1848 году. Это было время нарастания социальных, экономических и политических напряжений, в поле которых вызревала революция. Индустриализация и стремительный рост населения были важными факторами, хотя и не прямыми причинами, пауперизма – нищеты, носившей системный характер. Новые многочисленные классы городской бедноты стали фактом не только реальности, но и общественного сознания. Мешая фикциональные и документальные жанры, литература «социального вопроса» стремилась изобразить и исследовать современный город и его обитателей, снабжая обеспеченного читателя картинками и цифрами ужасающей нищеты. Колеблясь между филантропией и моральной паникой, авторы затрагивали целый ряд вопросов – об условиях труда, здравоохранении, общественной гигиене, детской рабочей силе, проституции, городском планировании – и находили самых разных виновников сложившегося порядка вещей: от самих бедняков до структурных особенностей капитализма. Коллективными усилиями производилось политически заряженное знание о современном обществе. По большей части за пределами пристального внимания современников находились не менее серьезные бедствия сельского населения. Распад многовекового аграрного порядка, выразившийся в переходе от практик коллективного пользования земель к установлению частной собственности, вызывал, в зависимости от локальных контекстов, разные реакции у тех или иных групп крестьянства – известны возмущения как противников, так и его сторонников.

В любом случае важен сам факт наличия то тлеющего, то вспыхивающего социального конфликта. Из-за размывания традиционных форм общежития и образования новых мобильных профессиональных групп, циркулировавших между городом и деревней, все больше слоев населения оказывались уязвимыми перед лицом вызванного неурожаем голода. Цепные реакции причин и следствий, дисбалансы власти между разными социальными группами и частое нежелание правительств вмешиваться в сферу экономики приводили к катастрофам, самой страшной из которых стал Великий голод 1847 года в Ирландии. Антиподом этой трагедии может послужить пример испанского города Хереса-де-ла-Фронтера, где в том же году в результате административного вмешательства торговцы понизили цены на зерно, предотвратив голод и сопутствующие ему бунты.

И в городе, и в деревне подспудное социальное и экономическое недовольство периодически перерастало в открытое на-

сильственное противостояние. Кларк подробно останавливается на нескольких примерах. В 1831-м и 1834 годах произошли два восстания лионских ткачей – группы с развитой «организационной культурой» (с. 53) и связями с прессой. Если первое восстание имело чисто социальный характер, то второе, жестоко подавленное правительственными силами, уже обладало зачатками политического измерения, привнесенного в первую очередь столичными республиканскими активистами, стремившимися заagitировать рабочих.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

Из-за размывания традиционных форм общежития и образования новых мобильных профессиональных групп, циркулировавших между городом и деревней, все больше слоев населения оказывались уязвимыми перед лицом вызванного неурожаем голода.

Полноценного слияния двух повесток, однако, в этот момент не произошло. Силезские ткачи, восставшие в 1844 году, не имели аналогичных институций поддержания профессиональной солидарности и артикуляции своих требований; их протест вылился в штурм и разорение зданий фирм и домов работодателей. Катастрофическое несовпадение запросов и действий различных социальных классов выявилось в 1846 году в Галиции. В этой провинции Австрийской империи произошла попытка очередного польского восстания, однако призывы панов восстать против имперской власти во имя будущей свободной Польши не нашли отклика у крестьян – причем не только русинов, но и говорящих на польском языке. Более того, крестьянство в свою очередь восстало против шляхты, устроив ей кровавую резню. Национальные устремления элит были нейтрализованы неучтенной социальной фрустрацией низших классов. Все эти случаи свидетельствуют о наличии глубинного непонимания – и большого потенциала для конфликтов – между разными общественными группами, а также демонстрируют сложное взаимодействие членораздельных политических запросов и акций и глухого социального протеста, перетекающего в безграничное насилие. Оба вывода важны и для понимания революций 1848 года.

Попытки современников интерпретировать окружавшую их социальную и политическую реальность были многообразны и порой хаотичны. Либералы стремились нащупать почву, среднюю между несвободой реальных абсолютных монархий и пугающей вольницей воображаемой демократии; они мечтали о правах, обеспеченных конституцией, представительных орга-

нах и власти образованного и состоятельного меньшинства, надежно защищенного от масс и их социальных требований. Идеалом либералов была утопия свободного рынка, а своей задачей они считали создание метаполитического пространства для опосредования и согласовывания конфликтующих позиций и интересов. Претендуя на обладание внеидеологическим здравым смыслом, они амбивалентно балансировали между деспотизмом и революцией, колеблясь в выборе меньшего из двух зол. Слева от либералов располагались радикалы – сторонники не только расширения политических прав, но и социальных преобразований, «организации труда», защиты рабочих и регулирования рыночной экономики. Проекты по устройству справедливого общества будущего, создававшиеся сенсимонистами, фуьеристами и другими участниками разногласного « хора спекуляций о смысле хорошей жизни и многих путях к человеческому процветанию » (с. 747), позднее объединенными Марксом под именем «утопических социалистов», служили симптомом того, что социальное отныне не сводилось к политическому и являлось самостоятельным проблемным полем.

Политические категории и теории современности подвергались критике со стороны консерваторов, противопоставлявших их рационалистичности, абстрактности и универсальности исторически укорененные, локальные и конкретные обычаи, эмоции и традиции. Между тем столь дорогое сердцу многих консерваторов религиозное чувство подвергалось в это время существенным трансформациям: оно открепилось от церковных институтов и начало независимую жизнь, подпитывая самые разные политические программы. Мицкевич использовал религиозный язык для формулирования мессианской польской национальной идеи, тогда как радикальный священник Фелисите Ламенне проповедовал с его помощью социализм. Профанация религиозных образов и аффектов вызвало ответный подъем движений в защиту традиционных организованных религий, однако это уже не могло воспрепятствовать повсеместному обряжению мирских целей в одежды священного авторитета.

Одной из важнейших секулярных эмоций того времени был патриотизм. Национальное чувство опиралось на полувымышленное прошлое и апеллировало к родной истории и языку для того, чтобы выстраивать и обосновывать позиции по актуальным политическим вопросам. Чувство причастности к нации было доступно и женщинам, что выгодно отличало патриотизм от других, менее инклюзивных, моделей политического существования. Кларк остроумно предваряет обсуждение идеологических течений первой половины XIX века разделом о феминистской критике патриархата. Радикальные мыслительницы – такие, как Клэр Демар и Сюзанна Вуалкин, – указывали

на политическое бесправие женщин, социальную и культурную сконструированность существующего гендерного порядка, репрессивное измерение института брака и односторонность мужского понимания сексуальной эмансипации. Этот пронизательный и в каких-то отношениях наиболее фундаментальный анализ устройства европейских обществ того времени был, однако, практически полностью проигнорирован их мужскими современниками. Другим слепым пятном многих идеологических построений являлось рабство. Несмотря на то, что метафоры рабства были чрезвычайно распространены в политическом языке эпохи, реальное рабство как один из институтов современного мира и аболиционистская аргументация долгое время оставались на периферии внимания политических деятелей и мыслителей.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

Чувство причастности к нации было доступно и женщинам, что выгодно отличало патриотизм от других, менее инклюзивных, моделей политического существования.

На этом фоне по всей Европе разворачивались процессы политической поляризации. Итоги июльской революции 1830 года не удовлетворили радикалов; несколько раз республикански настроенные заговорщики организовывали неудачные восстания против нового режима. Формировалась культура левого подполья, главным героем которой оказывалась фигура негнутаемого борца, революционера-аскета, наиболее полно воплотившаяся в Луи Бланки. Сходный характер имели национально-освободительные движения, важнейшим идеологом которых был Джузеппе Мадзини, прославлявший самопожертвование борец за свободу Италии. Во Франции оппозиционное общественное мнение группировалось вокруг газет и журналов, а также заявляло о себе косвенными путями – через визуальный язык карикатур или практику проведения банкетов, заменявших собой митинги. В немецких государствах и Австрийской империи пространством политизации и конфликта стали представительные органы: традиционные сеймы начали превращаться в современные парламенты. Выстроенную после Венского конгресса систему европейского порядка начинало штормить, и ее архитектор, австрийский канцлер Меттерних, напрасно пытался восстановить контроль с помощью тайной полиции. Гражданская война 1847 года в Швейцарии, окончившаяся победой либеральных протестантов над консервативными католиками, повсеместно воспринималась как предвестие более масштабного столкновения сил прогресса и реакции.

III

Причинно-следственные связи, порождающие революции, можно разделить на три группы. Между уровнем долгосрочных социальных, экономических и культурных процессов и краткосрочной последовательностью событий и происшествий, непосредственно запускающих цепную реакцию возмущения, располагается «промежуточный план каузации: накопление политического напряжения, ожесточение языка, коллапс консенсуса и истощение компромисса» – «политическая динамика, которая живет не годы и не часы, но месяцы и недели» (с. 294). К 1848 году подобная кризисная ситуация сложилась сразу в ряде европейских стран; первым сдетонировало Неаполитанское королевство. В начале января на улицах Палермо появились листовки, анонсировавшие революцию 12 января. Их автором был революционер Франческо Баньяско, надеявшийся спровоцировать таким образом восстание. Любопытствующие массы собрались в назначенную дату в центре города, и революция в самом деле произошла. В течение нескольких следующих месяцев похожие наложения случайных обстоятельств и давно зреющих структурных конфликтов вызвали революции в Париже, Берлине, Милане, Венеции, Вене, Пеште. Революции не вытекали прямолинейно одна из другой, но и не развивались изолированно. Они выросли из взаимосвязанных контекстов и становились фактами общеевропейского медиапространства: периодическая печать подробно информировала читателей о событиях в других странах, создавая коллективное чувство настоящего и творящейся на глазах истории. При всех ожиданиях, однако, революции заставали врасплох. За исключением периферийной Валахии, где за революцией – в духе 1820-х – стояли тайные общества и дворяне-офицеры, восстания 1848 года не были заранее спланированы. «Революционеры» производились самим событием, а не наоборот, и люди, получившие власть в результате краха старых режимов, оказались в новой позиции внезапно и произвольно. Так, в Париже Временное правительство сформировалось из редакций двух оппозиционных изданий с вкраплением почти случайных лиц, символизировавших собой трудящиеся классы.

После первых революционных потрясений неизбежно наступал период стабилизации и обуздания вырвавшихся на волю политических и социальных энергий. Необходимо было заново выстроить систему полицейского регулирования городского пространства; по всей Европе эти функции брали на себя самоорганизованные отряды национальной гвардии, а в Вене к ним присоединился студенческий Академический легион. Новый порядок утверждал себя через публичные ритуалы и коллек-

тивные практики. Жертвы уличных боев торжественно хоронились и поминались как секулярные мученики, отдавшие жизнь во имя свободы или, например, Французской республики (которая еще не существовала на момент их гибели и, таким образом, ретроспективно легитимировала себя через их кровь). Новые правительства были неоднородными по составу: во Франции пытались найти общий язык либералы и радикалы, а в Пруссии и Австрии – старые консервативные министры и реформаторы, назначенные в результате общественного давления на монархов. По всей Европе большие надежды возлагались на представительные органы. Запрет на проведение оппозиционного банкета в поддержку расширения числа избирателей спровоцировал февральскую революцию в Париже, а в немецких землях и в Австрийской империи многочисленные парламенты и сеймы стали проблемой для власти еще до 1848 года.

Одним из важнейших органов такого типа во время революции было Франкфуртское национальное собрание, депутаты которого пытались договориться о принципах объединения Германии. В реальности многие парламенты столкнулись с неопределенностью своих полномочий, туманностью собственной легитимности, неподконтрольностью исполнительной власти и – в сложно устроенных немецких и австрийских землях – пересечением зон действия сразу нескольких представительных органов. Воплощение либерального идеала конституции тоже было отмечено фундаментальной двусмысленностью. В Италии, Германии и Австрии конституции, ранее ассоциировавшиеся с реформистской повесткой, оказались рабочими инструментами контрреволюционного реагирования консервативных элит, стремившихся с их помощью предотвратить дальнейшее ухудшение своего положения. Сочетание реформистских и репрессивных превентивных мер помогло избежать революции ряду европейских государств, в числе которых были Испания и Великобритания.

Революции обещали освобождение человечества от всех возможных оков, однако действительная эмансипация была нелинейной и противоречивой. Новые французские власти начали работу над декретом об уничтожении рабства в колониях; соответствующую комиссию возглавил самоотверженный аболиционист Виктор Шельшер. Декрет был принят 27 апреля 1848 года, но еще до того, как новости о нем дошли до французских колоний, на Мартинике произошло очередное восстание рабов, которое привело к фактической отмене рабства. Вместе с тем акт эмансипации совершенно не решал комплекса вопросов об условиях и механизмах выхода рабов из своего состояния, трансформации их отношений с плантаторами, обретения нового легального статуса. Схожие проблемы возникли и в Ва-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

лахии, где краткосрочная революция пыталась ликвидировать рабство рома. Во многих местах революции уравнили евреев в правах с остальным населением, но где-то быстро последовал откат назад, а где-то случились массовые протесты против эмансипации. В ситуации революционного беспорядка насилие против евреев было распространенным способом выплеска социального напряжения, и антисемитизм встречался не только в консервативных, но и в левых антикапиталистических дискурсах. Из угнетенных групп меньше всего от 1848 года получили женщины. Присутствуя на демонстрациях, борясь на баррикадах, посещая парламентские слушания, проникательно анализируя события политической жизни, они принимали самое непосредственное участие в революциях, но так и не преодолели преграды мужского пренебрежения, насмешек и страхов. Никаких подвижек в легальном статусе женщин не произошло, и на их долю оставались индивидуальные действия и траектории в открытых для них областях культуры и образования, а не коллективное политическое действие.

Хрупкий консенсус оппозиционных сил, который обеспечил временную победу революций, быстро начал трещать по швам. Новые власти столкнулись с рядом фундаментальных социальных и политических проблем и порожденных ими конфронтаций. Прежде всего обозначился раскол умеренных либералов и радикалов, за которым стоял глубинный вопрос о соотношении революционных масс и их выборных представителей. В первые месяцы 1848 года в Париже суверенитет блуждал между формальными институтами буржуазной власти и сетями демократической самоорганизации рабочих. Либеральная идея политической революции как единовременного события, запускающего машинерию нового государства, противостояла левой идее социальной революции как устремленного в будущее процесса, ориентированного на «организацию труда», вмешательство в экономику и поддержание общественной справедливости. Левые добились создания в Париже национальных мастерских, которые должны были дать работу политизированному столичному пролетариату и поглотить его энергии, однако к концу июня окрепнувшая власть распустила мастерские и утопила в крови последовавшее за этим восстание.

Другая важнейшая линия разделения проходила между городом и деревней. Столичные политические деятели любых взглядов за редким исключением плохо представляли себе запросы и нужды крестьянства; результатом этого пренебрежения стало отчуждение деревни от революции и нередкое превращение ее в оплот консервативной власти. Еще одним параметром, по которому шло размежевание революционных сил, был вездесущий национальный вопрос. Несмотря на эле-

менты международной солидарности борющихся за свободу народов, страстная приверженность нации и ее предполагаемым интересам безнадежно сталкивала между собой потенциальных союзников. Депутаты Франкфуртского национального собрания не поддержали планов по восстановлению независимой Польши в том числе и за счет принадлежавших Пруссии земель, а боровшаяся за независимость от Австрии Венгрия не предлагала никакого привлекательного будущего своим славянским меньшинствам и была вынуждена воевать с хорватскими силами. Революционный импульс повсеместно рассеивался и растрчивался впустую.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

Из угнетенных групп меньше всего от 1848 года получили женщины. Они принимали самое непосредственное участие в революциях, но так и не преодолели преграды мужского пренебрежения, насмешек и страхов.

Этой энтропией воспользовались контрреволюционные силы. Короли Пруссии и Неаполя восстановили полноту своей власти, а австрийцы последовательно отвоевали у революционеров северную Италию, Прагу и саму Вену, где вспыхнуло восстание против отправки войск в Венгрию. Устройство контрреволюции 1848–1849 годов выявляет еще один ключевой фактор, определявший ход событий того времени, – геополитику. В отличие от заблокировавших друг друга национально-освободительных движений, силы реакции продемонстрировали редкостную солидарность и способность к согласованным действиям. Французская армия положила конец Римской республике, возникшей в городе после бегства папы римского. Англичане жестоко расправились с возмущениями на Ионических островах, находившихся под протекторатом Великобритании. Революция в Валахии была остановлена Османской и Российской империями. Кроме того, российская армия сыграла определяющую роль в возвращении Венгрии под власть Австрии. Весь этот заключительный этап революции не мог не создать впечатления, что главным принципом политики является прагматично применяемая голая сила. После 1848 года современники в диапазоне от Бисмарка до Маркса с Энгельсом интерпретировали окружающий их миропорядок в перспективе *Realpolitik*. Революции оставили после себя тысячи и тысячи убитых людей и никакого ощущения справедливости.

Выжившие революционеры отправились в изгнание в Англию, Америку, а то и в Османскую империю. Европейский

1848 год был событием глобального масштаба, отголоски которого звучали в Чили или в Австралии, изменяясь в зависимости от локальных контекстов. В самой же Европе участники событий со всех сторон конфликта искали себе место в постреволюционном мире, нередко меняя при этом свои политические взгляды. Сложившийся в 1850-е консенсус с подозрением относился к громогласным и пестрым левой и правой идеологиям, предпочитая им более методичную, упорядоченную политику партий и конкретных программ, а также доминирование безликих, исполнительных центристов. Государственная политика была теперь нацелена на стимулирование экономического роста за счет инвестиций в развитие инфраструктуры (в первую очередь посредством строительства железных дорог), а также беспрепятственного циркулирования капитала с целью обеспечения постоянного материального прогресса. В моду вошли технократы, эксперты, эффективные администраторы. Европейские столицы начали перестраиваться в соответствии с новыми нормативами, призванными обезопасить город и с медицинской, и с полицейской точки зрения. Огромное проблемное поле «социального вопроса» начало, таким образом, апроприироваться государством, обращавшимся за поддержкой, впрочем, к институтам гражданского общества. Сходным образом утопический социализм трансформировался в прагматическую, реформистскую социал-демократию. В средоточии этого недолго просуществовавшего, но в высшей степени симптоматичного постреволюционного консенсуса лежала «надежда, что технические решения каким-то образом дадут возможность избежать борьбы и преград политики» (с. 741).

IV

Повествование Кларка осуществляется в режиме удивительной неторопливости, которая держится на чувстве потенциальной неограниченности объема книги. О каждом эпизоде, сюжете, герое, вопросе, на которых считает нужным остановиться историк, рассказывается тщательно и подробно, с обильным цитированием источников и вниманием к необязательным в перспективе всей работы деталям. Каждый элемент нарратива не только значим по отношению к целому, но и ценен сам по себе. Это делает книгу увлекательнейшим чтением, полным ярких лиц и сцен, тонких наблюдений и размышлений, а также интересных отступлений и сюжетных поворотов. Кларк, конечно же, во многих случаях самостоятельно отбирает источники и выстраивает свой анализ, но в то же время он синтезирует и опирается на огромное количество исследований по самому

широкому спектру тем. Результатом оказывается картина, не только масштабная, но и в высшей мере пестрая и разнородная по составу. В своем изложении Кларк многим обязан подходам культурной истории, антропологии, гендерных исследований. Он развернуто пишет о роли женщин в революции и патриархатном обществе, о конструировании национальных идентичностей через воображение прошлого и изобретение народных костюмов, о ритуалах политической власти, о коллективных эмоциях, об инфраструктуре медиа, о дискурсах и формах знания, о преломлении общественных событий в художественной литературе и текстуальном измерении революции, об эго-документах и индивидуальном опыте, о механизмах формирования культурной памяти. Тем не менее все эти относительно более новые методы, оптики и вопросы, в конечном счете, интегрируются в достаточно традиционный нарратив социальной и политической истории, сфокусированный в первую очередь на действиях, а не репрезентациях. В итоге у Кларка выходит модернизированный вариант классического исторического письма – стилистически и композиционно выдержанного, захватывающего, сшивающего множественность героев и перипетий единством комментирующего авторского голоса, богатого на цитаты, а порой воскрешающего один из старинных, основополагающих историографических жанров: наполненные афоризмами исторические анекдоты. (Первый вспомнившийся пример: венецианские кораблестроители, смертельно ранившие своего начальника, хорвата Мариновича, отвечают на его просьбу позвать священника: «Возможно, на следующей неделе» (с. 369) – точно так же, как тот ранее отвечал на их требования платить больше денег.) Иначе говоря, рассказ получает полноценное эстетическое измерение, нисколько не теряя в фактичности и интеллектуальной строгости.

В книге убедительно и заразительно воссоздается опыт революции: внезапное головокружительное ускорение времени, зримая массовость действий, трансформация городских пространств, «оползень царств», эйфория. Впрочем, излишней поэтизации Кларк избегает; он не подпадает под очарование революционного возвышенного и не воспроизводит соответствующего языка уподобления революции природному стихийному катаклизму. Напротив, революция демистифицируется, развинчивается на составные части и предстает как опыт не только свободы, но и необходимости – как закономерный, предсказуемый в своих очертаниях процесс. Если будет успешная революция, то будет и случайно сложившееся временное правительство, будут новые символы и ритуалы, будут коллективные аффекты, будет раскол умеренных и радикалов, будет напряжение между тотальностью масс и произвольностью ре-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

презентирующих их органов, будут коалиции и размежевания социальных, экономических, политических групп, будет геополитическое измерение, будет ирония истории и полная непрочитаемость результатов. Можно уверенно предсказать ключевые этапы и потенциальные развилки и проблемные зоны любой революции – но не конкретное содержание, которое наполнит эти внешние формы, и не действительный ход событий.

Частичная прогнозируемость структуры революций вытекает из их повторяющегося характера; революция не уникальное событие, но воспроизводящееся явление, хронически присущее Новому времени. В этом смысле Марксово развенчание революции 1848 года как фарса, имитирующего трагедию Великой французской, несправедливо: все современные революции похожи друг на друга. На протяжении всей книги Кларк выстраивает систему аналогий между эпохой 1848-го и нашим временем: тогда люди еще не были, а мы уже не являемся «созданиями высокой модерности» (с. 754) – эры стремительной индустриализации, «подъема великих идеологических партийно-политических образований; восхождения национальных государств и государств всеобщего благосостояния; века секуляризации; роста великих газет и национальных телевизионных аудиторий» (с. 751).

Частичная прогнозируемость структуры революций вытекает из их повторяющегося характера; революция не уникальное событие, но воспроизводящееся явление, хронически присущее Новому времени.

Из зеркального положения двух исторических моментов следует их сходство: как и тогда, сейчас, вместо четких идеологий, мы наблюдаем странные конstellации противоречащих друг другу аргументов и эмоций, увеличение числа невнятных, но активных протестных движений, а также все те же нерешенные вопросы о соотношении рынка и государства, прямой демократии и представительства, эмансипации угнетенных меньшинств, социальной справедливости. Отсюда вывод: если грянет революция (а мы, кажется, очень далеки от *не-революционного* решения того «поликризаиса», с которым сейчас столкнулись), она может выглядеть, примерно как 1848-й: плохо спланированной, рассредоточенной, неоднородной и полной противоречий (с. 754).

Однако есть и другая аналогия: сфокусированный на экономике технократичный послереволюционный консенсус 1850-х напоминает «авторитарный реформизм наполеоновской эры»

(с. 741) и западную политику после 1945-го и 1989 года. За этими наблюдениями стоят разные логики: 1848-й и 2023-й похожи тем, что расположены на границах зрелой модерности, тогда как второй ряд уподоблений обосновывается, видимо, их причастностью эпохе модерна вообще. Кларк тщательно прописывает только один фрагмент нововременной истории: хаотичное бурление 1830–1840-х – кульминация процессов в 1848–1849 годах – посткатастрофическое упорядочивание 1850–х (вскорости начинающее мутировать и распадаться). Эта последовательность событий вписана в намеченную лишь в самых общих чертах хронологию наступления и конца модерности. Таким образом, лишь несколько десятилетий XIX века получают в книге последовательную интерпретацию, вычлняющую исторические периоды и описывающую механизмы и логику их смены. Вокруг этого концептуализированного отрывка располагается недифференцированная ранняя, зрелая и поздняя модерность. Иначе говоря, один сегмент с проясненной темпоральностью окаймлен другими, в которых доминирует пространство. Модерность предстает в качестве синхронно застывшей огромной территории, в различных местах которой из одних и тех же элементов собираются те или иные вариации единых структурных явлений. В этих условиях события 1848–1849 годов могут вызывать в памяти одновременно и 1789–1799-е, и 1917-й, и, например, 1989–1993-е, а 1850-е – сразу и правление Наполеона Бонапарта, и послевоенный консенсус, и неолиберальный триумф 1990-х. В пространстве модерности подобными могут оказаться любые максимально разнесенные во времени моменты. В том, что пустое, однородное время прогресса сменяется сложным сосуществованием взаимно спроецированных темпоральностей, ничего плохого, конечно же, нет – даже наоборот. Однако сама тенденция превращения модерна из целеустремленного, динамичного периода в лишенный направления движения конгломерат отражающих друг друга общих мест и лейтмотивов представляется в высшей мере симптоматичной.

Здесь кажется уместным сопоставить Кларка с Эриком Хобсбаумом, «Век революции» (1962) которого тоже предлагает синтетический очерк десятилетий, предшествовавших 1848 году. Если воспользоваться категориями, разработанными Исайей Берлиным, то Кларк – это несомненная лисица, знающая многое, тогда как Хобсбаум, при всем умном разнообразии его анализа, – еж, знающий одно, зато самое главное. Несомненно, Кларк по сравнению с Хобсбаумом рисует картину, гораздо более нюансированную, скорректированную многочисленными локальными исследованиями, учитывающую гендерную и расовую перспективу и лишенную догматической ограниченности.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

Но по тем же самым причинам – из-за установки на изображение цветущей сложности разнонаправленных импульсов – повествование Кларка в значительной степени лишено сквозной движущей силы, чувства цельности и рациональности исторического процесса, пронизывающих текст Хобсбаума. Без единого умозрительного принципа, без общей руководящей идеи, без какой-нибудь истины (в случае Хобсбаума – истины марксизма) удастся простроить связную концепцию лишь нескольких десятилетий – остальная модерность болтается привеском, нужным только для общих отсылок и разрозненных сопоставлений. Речь не о том, какой из подходов абстрактно «лучше»; важно зафиксировать саму разницу между ними.

И тут возникает еще одна проблема. Марксизм снабжает Хобсбаума не только теорией истории, но и сопутствующим моральным пафосом – разумеется, не плоской нравоучительностью, но глубинной приверженностью пролетариату как угнетенному субъекту истории, в борьбе обретающему право свое. У Кларка же сочувственные акценты расставлены по обе стороны разделительных линий. Конечно, как современный либеральный профессор он поддерживает прогрессивную повестку – гендерное и расовое равенство, демократию, какое-то регулирование рынка в целях социальной справедливости. Вместе с тем он явно не симпатизирует тем радикалам, которые отказывались признавать легитимность буржуазных представительных органов. В книге можно найти сцены для морального негодования на любой вкус: и описания чудовищной нищеты рабочих, и ужасающие расправы толпы над попавшими в ее руки правительственными лицами, и еврейские погромы, и кровавые подавления революций, и жестокие убийства революционеров, и гибель случайных жертв в первые дни беспорядков. Разнообразие изображаемых точек зрения и представление всей противоречивости революционных событий – вовсе не недостаток, скорее даже заслуга историка. В то же время в этом нельзя не увидеть некоторой структурной дезориентации. Удивительно, но на последних страницах книги Кларк, который все это время описывал либерализм трезво и без иллюзий, внезапно утверждает, что «либеральное видение метаполитики, сфокусированной на дискурсивном опосредовании интересов, так же незаменимо сейчас, как и тогда» (с. 749). Едва ли это действенный рецепт преодоления современного кризиса, диагностированного самим Кларком. Говоря об аналогиях с 1848 годом, он вспоминает захват Капитолия 6 января 2021 года, французские «желтые жилеты» и антиковидные протесты в Оттаве в январе 2022-го. Здесь сказывается разница перспектив. Вряд ли русскоязычные читатели согласятся с кембриджским профессором в отборе симптоматичных для нашего времени событий. На-

ходясь, как минимум ментально, по ту сторону наступившей катастрофы, больше параллелей с сегодняшним днем можно обнаружить, наверное, в другой книге Кларка, посвященной началу Первой мировой войны². Впрочем, чего бы ни ждать – революций, войн или всего сразу, – вопрос остается все тот же. Мы очень хорошо понимаем механику истории, столкновения групп и интересов, альянсы и конфронтации. Но можно ли за всем этим увидеть что-то большее, чем голый волюнтаризм, победу ситуативно сильных над ситуативно слабыми? При всех реверансах в сторону революционного энтузиазма и готовности умереть за убеждения в книге Кларка самым интеллектуально убедительным выводом из революции становится почти циничный политический реализм. Невозможность противопоставить ему какую-либо рабочую альтернативу и приводит к утрате ориентиров. Как претворить огромное пространство накопленного исторического опыта во вдохновляющий образ будущего, вернуть темпоральность, целеустремленность и надежду в разочарованный мир синхронизировавшихся подобию? Все эти вопросы остаются открытыми.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПРОСТРАНСТВО
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА
И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ
ОЖИДАНИЙ: 1848–1849

2 Книга только что вышла в русском переводе: Кларк К. *Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году*. М.: Издательство Института Гайдара, 2023.

